
МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К.А. Гаврилов
(Москва)

О КОНСТРУИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «РИСК» В СОЦИОЛОГИИ

В статье выделяются структурные элементы понятия «риск», которые рассматриваются через призму социологических исследовательских программ. Обосновывается невозможность существования обобщенной дефиниции этого понятия. Предлагаются две модификации определения понятия «риск».

Ключевые слова: риск, социологическая исследовательская программа, действующий субъект, будущая ситуация, структурный элемент понятия.

Понятийный аппарат социологических исследований требует постоянной научной рефлексии в силу того, что категории, понятия используются крайне неоднозначно. Последнее относится и к такому понятию как «риск», многозначность которого не способствует эффективности научной коммуникации. Этим понятием часто оперируют отечественные социологи как при описании социальной реальности (например, [1; 2]), так и при построении некоторой особой теоретической перспективы [3; 4; 5]. В него вкладывается различное содержание, в результате чего ставится под сомнение ценность использования именно понятия «риск» для обозначения определенного рода феноменов. В этой связи представляется важ-

Кирилл Андреевич Гаврилов – младший научный сотрудник сектора социологии риска и катастроф Института социологии РАН. E-mail: gavrilov@socio.msk.ru.

ным анализ содержания понятия «риск» в социологии¹, для того чтобы предложить обобщенное определение, которое, с одной стороны, не противоречило бы существующей рискологической традиции, а с другой – отражало бы социологическую специфику.

В основе предлагаемого в статье подхода к определению понятия «риск» лежат следующие предпосылки:

1. Никакое социологическое понятие не является прямым отражением реальности, а всегда связано с общей теоретической ориентацией исследователя, с совокупностью предположений, допущений о природе социального действия и социальной реальности, которых он неизбежно придерживается в своей работе. Содержание практически любого научного понятия зависит от *научно-исследовательской программы*, в рамках которой работает социолог².

¹ Несмотря на то, что существуют определения понятия «риск», успешно применяемые в эмпирических социологических исследованиях (например, дефиниция А.В. Мозговой [6; 7]), считаем необходимым рассмотреть это понятие в более широком теоретическом контексте. Предлагается сделать акцент не на том, как может быть использовано определение понятия «риск» в эмпирических исследованиях, а на том, каково содержание этого понятия в рамках той или иной теоретической перспективы в социологии.

² Термин «научно-исследовательская программа» И. Лакатоса [8] используется главным образом вследствие многозначности понятия «парадигма» Т. Куна. После выхода «Структуры научных революций» (1962 г.) Т. Куна [9] критики отмечали различное толкование «парадигмы» самим автором, что послужило одной из причин написания «Дополнения 1968 года» к книге. Далее в ходе заимствования этого термина представителями других дисциплин неоднозначность трактовки «парадигмы» только усилилась. Так, американские исследователи Д. Экберг и Л. Хилл пришли к выводу, что социологи обычно понимают под «парадигмой» совокупность «метафизических предположений», что не соответствует мысли самого Куна, согласно которой «парадигма» состоит из неоспоримых предположений, сообщества ученых и образцового решения [10; 11; 12]. В отличие от «парадигмы», существенными элементами «научно-исследовательской программы» являются твердое ядро, состоящее из совокупности неопровергаемых утверждений, а также «защитный пояс», представляющий собой некоторые «модели реальности». Понятие «социологическая исследовательская программа» будет использоваться нами для обо-

2. В условиях существования конкурирующих исследовательских программ в социологии проблематично сформулировать определение понятия «риск», которое бы соответствовало всем исследовательским программам. Связано это с тем, что принятие той или иной программы, во-первых, накладывает ограничения на использование тех или иных формулировок, терминов¹, а во-вторых, определяет *специфику содержания* применяемых понятий. Неприемлема стратегия, которая предполагает механическое соединение в одном определении теоретически несовместимых формулировок, адекватных различным исследовательским программам.

3. Понятие «риск» состоит из *структурных элементов*, которые могут быть рассмотрены через призму таких социологических исследовательских программ как натурализм, интерпретативная программа и функционализм². В аналитических целях будем считать эти программы однородными образованиями, хотя все они имеют сложную структуру, содержат подходы, использующие различающиеся модели объяснения.

4. Риск связан с действием и *действующим субъектом*, существует лишь при наличии субъекта и возможности действия. К примеру, общность может быть в условиях риска лишь в том

значения совокупности предположений о природе и сущности социальной реальности, о природе социального действия и способе его объяснения.

¹ Например, понятие риска как «целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности» [6, с. 65] проблематично использовать в рамках интерпретативной программы: в таком определении отсутствуют ссылки на ментальные состояния действующего субъекта, а также используется «натуралистический» термин «поведение». При этом в дальнейшем В.И. Зубков ссылается на интерпретативные элементы, например, на *осознанные* субъектом потребности.

² В целом, речь идет о классификации, предлагаемой И.Ф. Девятко [13, с. 44–78], из которой исключен структурализм. Детальный анализ исключения этой программы не входит в поставленные задачи. В таком «усеченном» виде классификация программ фактически совпадает с той, что предложена Дж. Ритцером [14, с. 571–572].

случае, если признается, что «общность» является некоторым субъектом, который может действовать.

Тем самым предлагаемая стратегия формирования обобщенного определения понятия «риск» заключается в рассмотрении существенных структурных элементов понятия риск через призму исследовательских программ.

Поскольку исходной является категория действия, то необходимо отметить, с каким элементом действия соотносится понятие «риск». Используя схему единичного акта Т. Парсонса, можно предположить, что «риск» так или иначе связан с целью действия, т.е. с «будущим положением вещей, на которое ориентировано выполняемое действие» [15, с. 95]. В дальнейшем будет использоваться более нейтральный термин «будущая ситуация», а не «цель», и «будущее положение вещей». «Будущая ситуация» может не быть непосредственной целью действия, но на нее также может ориентироваться действующий субъект. Эта оговорка важна для того, чтобы заведомо не исключить «побочные следствия» из анализа.

То, в каком смысле риск включает в себя *ориентацию на будущую ситуацию*, нуждается в прояснении. Эта ориентация, в частности, зависит от того, какого рода характеристики имеет будущая ситуация. Полагаем, что ряд характеристик является существенным. Например, является ли будущая ситуация:

- вероятной или детерминированной;
- ожидаемой или неожиданной;
- зависимой или независимой от действия субъекта;
- желаемой или нежелательной для субъекта.

Нетрудно заметить, что три последние характеристики связаны с действующим субъектом. Способ «ориентации» субъекта на каждую из них может быть рассмотрен сквозь призму социологических программ. Более того, именно *особенность связи действующего субъекта с будущей ситуацией должна определять специфику понятия «риск» в социологии*. Таким образом,

рассмотрение способов ориентации субъекта на будущую ситуацию позволит выявить *структурные элементы* понятия риск, с помощью которых возможно будет сконструировать определение понятия «риск» в социологии. Рассмотрим каждую характеристику будущей ситуации.

Вероятная или детерминированная будущая ситуация. Общепринятым является положение, что риска не существует в детерминистическом мире, что он имеет вероятностную природу [16, с. 109]. Как известно, в естественных науках риск чаще всего рассматривается как произведение объективной величины последствий (например, число жертв или ущерб в денежном выражении) на вероятность их появления. Подобных взглядов придерживается и ряд современных отечественных исследователей¹, а корни таких представлений восходят к работам XVII–XVIII вв. Паскаля, Бернулли, Лапласа и др. [цит. по: 18, р. 105]. Полагаем, что для социологии такая вероятностная трактовка не является вполне адекватной, поскольку не включает в себя субъекта действия. Риск подразумевает, что будущая ситуация имеет вероятностную природу, но *ориентация* на нее должна характеризоваться некоторыми специфическими чертами. Прояснить эту особенность поможет рассмотрение взглядов экономистов, которые «включают» субъекта действия в естественнонаучную трактовку риска. Так, Ф. Найт подчеркивал, что о риске речь идет в том случае, когда индивид (предприниматель) делает оценку объективной вероятности некоторого исхода (на основе теоретического анализа факторов, влияющих на вероятность некоторого события, или на основе статистических данных) и в соответствии с этим принимает решения [19, с. 225]. Когда речь идет об «интуитивном» ощущении высокой или низкой вероятности, о «субъективной вероятности» исхода, тогда, по его мнению, необходимо говорить о *неопределен-*

¹ Например, А. Быков и Н. Мурзин пишут, что риск «состоит из двух компонент: размера последствий воздействия и их вероятностей» [17, с. 93].

ности. Характеристику ситуации, когда действие напрямую *зависит* от количественной оценки вероятности некоторой будущей ситуации, обозначим как ее *калькулируемость*. Содержит ли понятие «риск» в социологии с необходимостью это свойство? Можно ли считать, что риск – это действие, причиной которого является калькуляция вероятности? Ответ на этот вопрос зависит от той социологической программы, которой придерживается исследователь.

Для *натурализма*, упрощенно говоря, характерна замена «индивида» определенной «моделью»¹. Например, речь может идти о модели рационального деятеля [21; 13, с. 71], бихевиористской модели [22; 23, с. 35–36], модели, используемой в так называемых «теориях обмена» [24]. В контексте натурализма правомерно говорить о том, что калькуляция вероятностей является существенным атрибутом риска. Субъекту действия *приписывается* характеристика, согласно которой он принимает решения на основе исчисления вероятностей и оценки величин возможных последствий. Акцент делается не на том, на самом ли деле действующий субъект принимает решение на основе рациональных калькуляций, а на том, насколько его реальное поведение согласуется с предсказаниями, которые делает исследователь. Экспериментально демонстрируемые различия между «выраженными» индивидуальными предпочтениями и предсказаниями на основе вычислений вероятностей ведут к совершенствованию используемой модели действующего субъекта. Одной из убедительных попыток такого развития является «теория перспектив» Д. Канемана и А. Тверски, в которой, в частности, предлагается ввести дополнительную «весовую функцию», нелинейным образом зависящую от вероятности

¹ И в этом заключается близость натурализма и экономической теории. Предположения, лежащие в основе натурализма, восходят к концепциям утилитаризма. Подробный анализ связи утилитаризма и предположений с социологическими теориями «инструментальной рациональности», «обмена» см. в [20].

возможного исхода действия [25, р. 280]. Таким образом, в рамках натурализма калькулируемость является структурным элементом понятия «риск», что не распространяется на другие исследовательские программы.

Исследователь, принимающий допущения *интерпретативной* программы, должен сосредоточиться на ментальных состояниях действующего субъекта, на том, как субъект в действительности воспринимает ситуацию и какие значения и смыслы ей приписывает. В этом случае калькулируемость означает, что действующий субъект осознанно осуществляет исчисления вероятностей и количественную оценку возможных последствий, на основе чего и принимает решения. Полагаем, что такая ситуация имеет место *крайне редко*, поэтому неоправданно считать, что калькулируемость является структурным элементом понятия риска в рамках интерпретативной программы.

В контексте функционализма, понимаемого в предложенной Р. Мертоном интерпретации [26], акцент может делаться на макро-социальных детерминантах количественной оценки вероятности субъектом действия. Функционализм делает акцент на *институциональном* окружении действующего субъекта, осуществляющего калькуляцию риска. Тогда принятие функционалистских допущений ведет не к формулировке особой *дефиниции* риска, а к постановке специфических проблем и к сфере поиска их возможных решений. Иными словами, калькулируемость может быть и принята, и отвергнута в качестве структурного элемента понятия «риск» в рамках этой программы.

Таким образом, калькулируемость является структурным элементом понятия «риск» только в контексте натурализма. Однако для всех трех рассматриваемых программ структурным элементом является *вероятностный* (возможный, а не определенный) характер будущей ситуации.

Ожидаемая или неожиданная будущая ситуация. В рискологической литературе отсутствует согласие относительно того,

является ли будущая ситуация в условиях риска ожидаемой или неожиданной. Принятие калькулируемости в качестве структурного элемента понятия «риск» в рамках натурализма *автоматически* означает, что речь идет об *ожидаемой* будущей ситуации. Вызвано это тем, что вероятность неизвестного исхода в социологии не имеет особого смысла¹. Понятие риска подразумевает наличие определенных возможных исходов (последствий), а не непредвиденных обстоятельств. Заметим, что это согласуется с допущением о «полной информации» в классической экономике, согласно которому действующий субъект при принятии решений руководствуется *истинными* убеждениями относительно *последствий* выбора цели и способа действий [13, с. 211–212]. Это допущение подвергалось достаточно острой критике не только за свое неправдоподобие, но и за то, что именно его заведомая нереалистичность позволяла «объяснить» отклонения наблюдаемого поведения от предсказаний исследователя. Действительно, некто рискует (или, напротив, не идет на риск) не потому, что эта стратегия поведения максимизирует «полезность» (скажем, повышает его шансы на выживание), а потому, что заблуждается относительно истинных последствий собственных действий. Такая логика рассуждений, если она ведет к признанию наличия у субъекта «ограниченной информации», ставит задачу определения объема знания, которым владеет и пользуется действующий субъект.

Ожидаемость будущей ситуации следует считать структурным элементом понятия «риск» в социологии и в рамках интерпретативной программы. Отказ от этого привел бы к значительному разрыву в трактовке понятия «риск» в контексте этой программы и натурализма, что стало бы дополнительным препятствием введения обобщенного понятия риск в социологии. Иными словами, отка-

¹ К примеру, как действующий субъект может оценить вероятность выпадения некоторого значения в результате бросания особой игральной кости, если мы не знаем, сколько граней имеет эта кость.

зываясь от характеристики калькулируемости риска в рамках *интерпретативной программы*, считаем необходимым сохранить ее в значительно ослабленной форме – в виде требования рассматривать риск лишь в связи с ожидаемой будущей ситуацией. Тем самым понятие «риск» будет относиться лишь к тем ситуациям, в которых действующий субъект оценивает наступление некоторых *значимых* событий как возможное (в противоположность необходимому) и эта оценка влияет на характер его действий¹. Поэтому *неожиданные*, неосознаваемые и не принимаемые в расчет последствия действий не могут считаться риском. Здесь нельзя не заметить связь с анализом Р. Мертонa непредвиденных последствий целенаправленных действий [27]. Подчеркнем, что принятие «ожидаемости» будущего события в качестве структурного элемента понятия «риск» не означает автоматического отказа от поиска неожиданных последствий риска: это может быть отдельной областью исследований, основывающейся, в частности, на допущениях функционализма.

Зависимая и независимая от действий субъекта будущая ситуация. За исходную точку при анализе этой характеристики примем позицию Н. Лумана. По его мнению, говорить о *риске*, риске решения можно лишь тогда, когда возможный ущерб рассматривается как следствие решения. Об *опасности* же можно говорить тогда, когда причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру [28, с. 150]. Очевидно, что множество будущих ситуаций носят «смешанный» характер, более того, существуют трудности в идентификации наличия «решения», особенно в случае, если отсутствие действия признается следствием решения. Способы идентификации в этом случае существенно различаются в зависимости от социологической програм-

¹ Подчеркнем, что если речь идет о «значимости» последствий, то это автоматически указывает на принятие допущений интерпретативной программы, фокусом интереса которой является сознание действующего субъекта.

мы, которой явным или неявным образом придерживается исследователь. Возможность решения подразумевает наличие *выбора*. Предсказуемое, вероятное событие не будет риском тогда, когда у субъекта практически отсутствует возможность повлиять на ход событий. Так, с этой точки зрения столкновение земли с метеоритом, уничтожающим жизнь на земле, в настоящее время является опасностью, но согласно предлагаемой Н. Луманом терминологии не будет риском.

В рамках натуралистической программы зависимость будущей ситуации от действий субъекта является структурным элементом понятия «риск». Связано это с тем, что существенным элементом используемой модели действующего субъекта (например, рационального деятеля) является возможность *выбора*. При отсутствии выбора характеристика калькулируемости теряет свой основной смысл: если исчисление вероятности и величины последствий показывает, что риск «слишком велик», то должна существовать возможность действовать иначе, в частности, отказаться от действия вообще. Таким образом, только такая ситуация, в которой субъект может осуществлять *выбор* на основе рациональных калькуляций между альтернативными вариантами действия, относится к риску.

Допущения интерпретативной программы позволяют отличать риск от опасности с точки зрения действующего субъекта. Независимо от того, какова «внешняя» точка зрения (исследователя) на связь между действием и будущей ситуацией, сам субъект может осознавать некоторую ситуацию либо как следствие собственных действий, выборов, либо как результат некоторых «объективных», «внешних» сил. О том, что такое различие играет важную роль при конструировании понятия «риск» в социологии, свидетельствуют результаты исследований в рамках «психометрической парадигмы», в частности, тот факт, что восприятие опасности зависит от способности индивида ее контролировать [29]. В контексте интерпретативной программы правомерен также вопрос, который ставится представителями антропологического направле-

ния в исследовании риска, о том, как можно объяснить существование «нерациональных» (с точки зрения современной науки) связей, устанавливаемых членами дописьменных сообществ между индивидуальными действиями и неблагоприятными последствиями (например, нарушением принятых правил поведения и неурожаем)¹. Объясняются ли эти связи только ложными представлениями членов таких сообществ о физических процессах или существуют иные причины этих убеждений? Один из возможных ответов на этот вопрос связан с констатацией факта, что суждения о риске, как правило, являются суждениями об *ответственности*. Очевидно, что ответственность за некоторое событие может быть приписана какому-либо субъекту только в том случае, если это событие рассматривается как *зависимое* от его действия (хотя в ряде случаев «ответственность» возлагается на природу или сверхъестественные силы). Исходя из функционалистских предположений, М. Дуглас и ее последователи выдвинули гипотезу о том, что суждения об ответственности и, следовательно, о субъектах, оказывающих неблагоприятные воздействия, имеют социальную, надиндивидуальную природу, т.е. связаны с социальной структурой, существующей системой статусных различий, норм, правил, а также с групповым давлением и групповыми границами [30; 31; 32]. Иными словами, признаваемые в некотором сообществе связи между индивидуальными действиями и неблагоприятными последствиями могут быть нерациональны с «научной» точки зрения, но при этом функциональны для этого сообщества.

¹ См., например [30; 31]. Подчеркнем, что с позиций более поздних воззрений дописьменные племена сталкиваются с опасностями в виде, скажем, неурожая, тогда как с их точки зрения эти опасности являются, в терминологии Н. Лумана, настоящими рисками. Любопытно отметить, что современность, характеризующаяся все большим пониманием человеческого влияния на природу, вновь в природных воздействиях видит уже не опасности, а риски, вызванные человеческой активностью.

Трактовка риска как вероятных, но определенных (заданных) последствий, учитываемых при принятии решения, не является общеупотребимой. Так, содержание понятия «риск» в книге «Общество риска» [33] У. Бека иное: у него речь идет, как правило, о *непредвиденных последствиях* индустриализации, коллективных и, возможно, индивидуальных действий. Применительно к большинству описанных У. Беком ситуаций более уместно использовать понятия «опасность» и «непредвиденное последствие действия». Так, землетрясение является опасностью. Риском оно будет лишь тогда, когда индивид, учитывая возможность последствий от землетрясения, принимает некоторое решение, например, о переселении. До аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. большая часть населения, проживающая рядом с АЭС, не рисковала, хотя, по мнению некоторых специалистов, и подвергалась опасности.

Желаемая или нежелательная для субъекта будущая ситуация. Большинство исследователей отмечает, что риск необходимым образом связан с вероятным *ущербом, негативным событием*, а не просто вероятным последствием, имеющим нейтральный характер. О риске говорить можно лишь тогда, когда будущая ситуация сопряжена с некоторым ущербом, «негативным» или «нежелательным» событием. Риск всегда означает возможность потерь¹. Следует подчеркнуть относительность трактовки ущерба, который рассматривается только по отношению к некоторому исходному состоянию при обязательной сопряженности вероятного ущерба с вероятным выигрышем. При этом действие, способное с некоторой вероятностью повлечь ущерб, будет риском лишь тогда, когда этот возможный ущерб *влияет* на само решение. Пояснить тезис о том, что негативное будущее

¹ Для иллюстрации приведем пример игры, участие в которой стоит 50 единиц. В результате игрок может выиграть с одинаковой вероятностью, равной 0,5, либо 50 единиц, либо 100 единиц. По-видимому, этот пример не имеет отношения к риску, потому что отсутствует возможный проигрыш (ущерб) и потому что в действительности здесь нет выбора – играть или не играть.

событие влияет на решение, можно лишь в контексте отдельных социологических программ. В рамках программы натурализма это означает, что возможному негативному последствию¹ «приписывается» вероятность и некоторая *отрицательная величина*, характеризующая *степень возможного ущерба* (например, потеря определенного объема денежных средств). В целях совершенствования предсказательной способности модели действующего субъекта в упомянутой «теории перспектив» Д. Канемана и А. Тверски [25] была введена особая «ценностная функция», которая связана с некоторой точкой соотнесения (то, что имеется у действующего субъекта) и величиной изменения относительно этой точки в результате принятого решения [25, р. 277].

В рамках интерпретативной программы влияние ущерба на принятие решения трактуется как значимость для действующего субъекта возможного негативного будущего события. Тогда вне рамок понятия «риск» оказываются ситуации, в которых возможность ущерба проявляется после принятия решения или в которых некоторый ущерб «не принимается во внимание». Любой субъект действует в условиях, когда перечень возможных негативных последствий принятых решений является чрезвычайно обширным. Поэтому нереально включать в ситуацию риска все возможные последствия. Скорее необходимо признать, что действующий субъект всегда осуществляет *выбор* (далеко не всегда сознательно) возможных последствий (как позитивных, так и негативных), которые представляются ему значимыми. Именно они, согласно интерпретативной логике, должны быть приняты во внимание при характеристике некоторого действия как риска. Отметим, что выбор значимых последствий может быть рассмотрен сторонниками функционализма как проблема, подлежащая объяс-

¹ Дихотомию желаемый/нежелательный уместно использовать скорее в рамках интерпретативной программы, так как она напрямую соотносится с «внутренними состояниями» действующего субъекта.

нению и в терминах макросоциальных детерминант действий субъекта.

«Нежелательность будущей ситуации» для действующего субъекта как структурный элемент риска имеет особый смысл в рамках функционализма. Общеизвестным является понятие дисфункции, разработанной в контексте этой исследовательской программы [26, с. 428]. Поскольку в качестве исходного было принято допущение, что понятие «риск» соотносится с действующим субъектом, то говорить о том, что риск в контексте функционализма связан с некоторыми последствиями, которые «уменьшают приспособление и адаптацию системы», не вполне корректно. Скорее речь должна идти о том, какие последствия для общностей имеют осознаваемые нежелательные последствия действий отдельных субъектов. Иными словами, в этом случае для функционализма адекватным может быть использование интерпретативной трактовки понятия «риск».

В контексте интерпретативной программы необходимо уточнить, каким образом определяется наличие или отсутствие в некотором случае ущерба, нежелательного последствия. Говорить об «ущербе» или «нежелательности» можно лишь с определенной точки зрения. Так, некоторое действие может иметь следствием благо (пользу) для действующего субъекта, но при этом оказать негативное воздействие на другого субъекта. Если придерживаться интерпретативной логики, то ущерб следует определять в терминах действующего субъекта, т.е. он должен быть *значим* для него. Поэтому о риске можно говорить лишь тогда, когда решение связано со *значимым* ущербом для индивида и других *значимых* для него объектов (например, окружающая среда *может быть* таким объектом). Если же негативное воздействие не принимается во внимание самим действующим субъектом, но лишь приписывается внешним наблюдателем, то корректнее говорить о непредвиденных негативных последствиях, а не о риске. Например, нетрудно показать, что самоубийство бессмысленно считать

риском¹. Многочисленные самоубийства действительно негативно сказываются на «функционировании» общества. Самоубийство индивида имеет негативные последствия для родных и близких самоубийцы. Но наличие таких «ущербов» недостаточно для того, чтобы называть ситуацию суицида риском. Самоубийство является риском тогда, когда самоубийца принимает во внимание возможность неудачного суицида из-за выбранного средства. В этом смысле рискует тот, кто сознательно выбирает средство, оставляющее шансы на выживание – «русская рулетка», возможно, будет адекватным примером. Также рискует тот, кто принимает во внимание возможность сердечного приступа у близкого человека в случае «удачного» суицида. В этом случае «ущерб» – это не потеря собственной жизни, поскольку для самоубийцы это и является желаемой целью, а возможная утрата здоровья близким человеком. Необходимым условием риска служит наличие такого *вероятного ущерба*, который представляется значимым действующему субъекту. Это является еще одним из рассматриваемых структурных элементов понятия «риск».

В обобщенном виде существенные структурные элементы понятия «риск», выведенные из анализа характеристик будущей ситуации и ориентаций на них действующих субъектов, представлены в табл. 1.

Совокупность этих элементов образует соответствующую трактовку понятия «риск» в социологии. Отметим, что трактовка в контексте натурализма близка тому, что Ф. Найт называл риском, с той оговоркой, что в социологии речь идет о *модели* действующего субъекта, а в экономике – о модели *предпринимателя*, который осуществляет оценки вероятностей наступления некоторых событий и их масштаб (в денежном выражении).

¹ Например, в работе С. Кравченко и С. Красикова самоубийство считается риском [5, с. 64].

Таблица 1

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОНЯТИЯ «РИСК» В КОНТЕКСТЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ

А. Натурализм	Б. Интерпретативная программа
<i>Вероятный характер</i> будущей ситуации	<i>Возможный характер</i> будущей ситуации
<i>Калькулируемость, предсказуемость</i> будущей ситуации	<i>Ожидаемость</i> будущей ситуации
Зависимость будущей ситуации от выбора субъекта	Восприятие субъектом будущей ситуации как <i>следствия своих действий (решений)</i>
<i>Негативный характер</i> будущей ситуации, оцениваемый количественно	<i>Нежелательный характер</i> будущей ситуации

Из указанных структурных элементов можно сформулировать две модификации определения понятия «риск», которые носят рабочий характер и не претендуют на полноту (из-за невозможности учесть целый ряд обстоятельств, оговоренных выше).

А. Натурализм

Риск – это осуществляемое субъектом действие, результатом которого может стать вероятная негативная будущая ситуация. При этом действие предпринимается на основе оценок как вероятности такой будущей ситуации, так и величины связанного с ней ущерба.

Б. Интерпретативная программа

Риск – это осуществляемое субъектом действие, результатом которого может стать значимая для субъекта будущая ситуация, воспринимаемая им как возможная, нежелательная и зависимая от его действия.

Во-первых, благодаря этим определениям понятие «риск» возможно отличить от следующих понятий¹:

¹ Каждому понятию необходимо ставить в соответствие два определения – в зависимости от принимаемой исследовательской программы. Поэтому приведенные

– *неопределенность* как возможная будущая ситуация, которая может быть результатом действий как субъекта, так и «внешних» сил, причем эта будущая ситуация может быть, с одной стороны, и предсказуемой, и непредсказуемой, а с другой стороны – и желаемой субъектом, и нежелательной;

– *опасность* как возможная нежелательная будущая ситуация, которая может быть как предсказуемой, так и непредсказуемой, но являющаяся результатом «внешних» причин;

– *непредвиденное негативное последствие действия* – возможная или необходимая негативная будущая ситуация, которая является следствием действий субъекта.

Содержание этих понятий можно раскрыть через те же характеристики будущей ситуации и ориентаций на них действующего субъекта, которые использовались для конструирования понятия «риск». Самым общим из них является «неопределенность». Риск может быть рассмотрен как частный случай неопределенности.

Во-вторых, введенные определения могут служить основой для их соотнесения с другими исследовательскими программами. Например, обращение к функционализму показывает, что в качестве дефиниции может быть использовано определение, сформулированное в контексте интерпретативной программы. Вместе с тем, акцент в функционализме делается на специфических проблемах, связанных с риском, и на областях поиска возможных решений этих проблем. В качестве примера можно привести «культурологический подход», сторонники которого ставят вопрос о том, почему некоторые субъекты воспринимают одни будущие ситуации как значимые, а другие как незначимые. Они полагают, что при ответе на этот вопрос необходимо исходить из допущения, что значимость некоторых последствий может быть объяснена функцией, выполняемой этой особенностью восприятия

пояснения следует рассматривать не как дефиниции, а как некие общие рамки для возможных определений.

по поддержанию определенного «образца социальных отношений» или «социального образования»¹. При этом определение риска, используемое представителями «культурологического подхода», близко интерпретативной модификации. В рамках функционализма может применяться и натуралистическая модификация. В таком случае, к примеру, может ставиться вопрос о том, выполняет ли риск какую-либо функцию по отношению к структурным особенностям некоторых социальных общностей².

В заключение уместно ответить на одно из возможных возражений предложенным определениям риска. Поскольку речь шла о понятии «риск» в социологии, то не ошибочно ли сводить риск к уровню действующего субъекта? В чем заключается специфика понятия «риск» в социологии, если ни одно из указанных определений не содержит явным образом надындивидуальных элементов (например, «общества» или «социальной структуры»)? Полагаем, что помещение категории действия в центр предлагаемых определений позволит обеспечить единство между дисциплинами, изучающими человеческое поведение. В перспективе это будет способствовать вкладу социологии в «междисциплинарный проект» по исследованию риска. Если бы понятие «риск» в социологии составлялось из таких структурных элементов, которые совсем не характерны для этого понятия в рамках других дисциплин, то это препятствовало бы такому вкладу. Предложенные определения позволяют сформулировать вопросы, ответы на которые следует искать именно социологам. Например, какие социальные факторы в той или иной ситуации влияют на осуществление рис-

¹ См., например [34, р. 62–65].

² Тезис о возможности соотнесения предложенных определений с другими исследовательскими программами находится в противоречии с исходным положением статьи о том, что принятие той или иной программы определяет специфику содержания применяемых понятий. Вопрос, почему интерпретативная программа и натурализм имеют «свое» определение понятия «риск», а функционализм – нет, нуждается в отдельном изучении.

кованного действия, т.е. принятия некоторого решения? К каким макросоциальным последствиям могут привести те или иные риски? Как можно операционализировать «значимость» некоторого ущерба для действующего субъекта? Как возможно идентифицировать наличие решения или как определить, имело ли место собственно решение? От чего зависит признание некоторого последствия как негативного?

При рассмотрении понятия «риск» через призму общепризнанных социологических программ возникает целый ряд других проблем и вопросов, требующих пристального внимания. Некоторые из них были обозначены в статье. Чтобы быть объектом социологического изучения, понятие «риск» не обязательно должно содержать надындивидуальные элементы. Но риск едва ли может быть проанализирован вне социального контекста, причем как с точки зрения причин принятых решений, так и их последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интеллигенция в обществе риска: Сборник статей. М.: МО РФ, РГГУ, 2003.
2. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001.
3. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: LVS, 2003.
4. *Зубков В.И.* Социологическая теория риска. М.: РУДН, 2003.
5. *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.
6. *Мозговая А.В.* Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 9–37.
7. *Мозговая А.В.* Риск как социологическая категория // Социология: методология, методы, математические модели. 2006. № 22. С. 5–18.
8. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 269–455.
9. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
10. *Eckberg D., Hill L.* The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review // *Paradigms and Revolutions* / Ed. by G. Gutting. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1980. P. 117–136.

11. *Eckberg D., Hill L.* Clarifying Confusions about Paradigms: A Reply to Ritzer // *American Sociological Review*. 1981. Vol. 46. P. 248–252.
12. *Ritzer G.* Paradigm Analysis in Sociology: Clarifying the Issues // *American Sociological Review*. 1981. April. Vol. 46. No. 2. P. 245–248.
13. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
14. *РутцгерДж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
15. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
16. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // *THESIS*. 1994. № 5. С. 107–134.
17. *Быков А.А., Мурзин Н.В.* Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. СПб.: Наука, 1997.
18. *Covello V.T., Mumpower J.* Risk Analysis and Risk Management: An Historical Perspective // *Risk Analysis*. 1985. Vol. 5. No. 2. P. 103–120.
19. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
20. *Девятко И.Ф.* Инструментальная рациональность, полезность и обмен в теориях социального действия // *Новое и старое в социологической теории / Под ред. Ю.Н. Давыдова.* М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 86–145. Кн. 1.
21. *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона.* М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.
22. *Skinner B.F.* The Scheme of Behavior Explanation // *Braybrooke D.* Philosophical Problems of the Social Sciences. N.Y.: the Macmillan Company; L.: Collier-Macmillan Limited, 1965. P. 45–47.
23. *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО-TEMPUS/TASIS, 1996.
24. *Хоманс Д.* Социальное поведение как обмен // *Современная зарубежная социальная психология.* М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 82–91.
25. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.
26. *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль: Тексты.* М.: МУБиУ, 1996. С. 393–461.
27. *Merton R.K.* The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // *American Sociological Review*. 1936. No. 1. P. 894–904.
28. *Луман Н.* Понятие риска // *THESIS*. 1994. № 5.
29. *Slovic P.* Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm // *Social Theories of Risk / Ed. by S. Krimsky, D. Golding.* L.; N.Y.: Praeger, 1992. P. 117–152.
30. *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // *THESIS*. 1994. № 5. С. 242–253.
31. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.

32. *Douglas M.* How Institutions Think. N.Y.: Syracuse University Press, 1986.

33. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

34. *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural Theory. Boulder, San Francisco & Oxford: Westview Press, 1990.